

Олег Дмитриевич ДолгицкийНижевартровский государственный университет,
преподаватель кафедры психологии образования и развития, Нижневартовск, Россия
e-mail: OD89224426367@yandex.ru

Отчуждение ответственности человека

Аннотация. В статье рассматривается проблема отчуждения ответственности человека в свете «естественного закона» и «морального императива». В процессе исследования автор приходит к выводу, что в результате отчуждения права свободного выбора человек снимает с себя ответственность, освобождаясь от мук совести. Делается вывод о том, что даже в случае отчуждения прав в пользу превосходящего объекта с человека не может быть снята ответственность за убеждения, а также за результат, цели и средства их достижения. Это связано с тем, что сама постановка проблемы отчуждения содержит призыв вернуть себе утраченное, объективируя тем самым то, что человек не обрел в процессе индивидуального развития.

Ключевые слова: человек, отчуждение, ответственность, право, естественный закон, моральный императив, этика.

Oleg D. DolgitskyNizhnevartovsk State University,
Lecturer of the Department of Educational and Developmental Psychology, Nizhnevartovsk, Russia
e-mail: OD89224426367@yandex.ru

Alienation of Human Responsibility

Abstract. This article examines the problem of alienation of human responsibility in terms of "natural law" and "moral imperative." The author concludes that by alienating the right of free choice, a person absolves himself of responsibility, freeing himself from the pangs of conscience. It is concluded that even in the case of alienation of rights in favour of a superior object, a person cannot be relieved of responsibility for his beliefs, as well as for the results, goals, and means of achieving them. This is because the very formulation of the problem of alienation calls for the reclamation of what has been lost, thereby objectifying what a person has not acquired in the process of individual development.

Keywords: human, alienation, responsibility, law, natural law, moral imperative, ethics.

Введение (Introduction)

Проблема отчуждения прав человека в научных публикациях начала XXI в. сохраняет свою актуальность, позволяя описывать различные социальные явления, среди которых, например, пандемия COVID-19 [1, с. 1872], хикikomори [2, с. 6], «социальные лифты» [3, с. 18]. Несмотря на высокий интерес к этой концепции, на сегодняшний день сохраняется проблема трактовки данного понятия и сущности явления, которое до сих пор неопределенное. Причина этого кроется в том факте, что ее принято рассматривать в контексте социальной философии и общества. В этой работе проблема отчуждения будет развиваться в русле философской антропологии.

Значимость данного исследования особенно актуализировалась в результате процессов информатизации, в рамках которой активно развиваются информационные общества первой четверти XXI в.

Методы (Methods)

Исследование основано на методологических принципах философской антропологии. В качестве основных применяются следующие методы:

1. **Герменевтический метод**, направленный на интерпретацию и понимание классических и современных философских текстов, посвященных проблеме отчуждения и ответственности.

2. **Метод деконструкции**, используемый для критического анализа бинарных оппозиций (таких как «этика убеждения» / «этика ответственности») и выявления скрытых смыслов в философских концепциях.

3. **Сравнительно-исторический анализ**, позволяющий проследить эволюцию концепта отчуждения в истории философской мысли от Т. Гоббса до современных авторов.

Литературный обзор (Literature Review)

Проблема отчуждения, начиная с Т. Гоббса, рассматривалась в контексте передачи прав суверену [4]. И. Кант, формулируя свой категорический императив, также исходил из условий ситуации, где права были отчуждены [5]. Л. Фейербах критиковал кантовское противопоставление нравственности и эмпирических интересов, видя в Боге объективацию лучших человеческих качеств [6, с. 14]. К. Маркс и Ф. Энгельс радикализировали проблему, выделив четыре типа отчуждения в условиях капитализма [7]. В XX в. М. Вебер, опираясь на неокантианство, предложил различие «этики убеждения» и «этики ответственности» [8], а С. Жижек и Ж. Лакан проанализировали психоаналитические аспекты отчуждения и наслаждения от передачи ответственности Другому [9, с. 12]. Ж. Делёз и Ф. Гваттари рассматривали мазохистический поиск «тела без органов» как форму бегства от ответственности [10].

Результаты и обсуждение (Results and Discussion)

По Гоббсу, власть монарха устанавливается благодаря тому, что он имеет самый высокий чин (статус) во всех легитимных ветвях власти. Тем самым власть монарха становится абсолютной во всех иерархических системах. При возникновении конфликтов между иерархическими системами внутри государства монарх выступает в качестве верховного судьи, решение которого становится законом в том случае, если оно не противоречит постановлениям и присягам институтов, включенных в систему власти. Так, например, «...постановление четвертого собора в Латеране, заседавшего при папе Иннокентии III... гласит так: *если король после указания папы не очистит своего королевства от ересей и, будучи отлученным от церкви за это, не даст удовлетворения в течение года, то подданные такого короля освобождаются от их обязанности повиноваться ему...*» [4, с. 429].

Таким образом, благодаря соблюдению взаимных договоренностей представителями социальных институтов прекращается «война всех против всех», а сама структура воспроизводится не только на верхних, но и на нижних уровнях иерархий, где, в случае возникновения конфликтов между равностоящими субъектами власти, разрешение конфликтов становится возможно благодаря монарху, власть которого при соблюдении имеющихся договоренностей является абсолютной, если не противоречит «законам Бога» [4, с. 268].

В основе этой модели лежит «закон всех людей, он дан в формуле: *quod tibi fieri non vis, alteri ne faeeris* (не делай другому того, чего не хотел бы, чтобы делали тебе)» [4, с. 118]. Но возможность существования отношений, основанных на этом законе, актуализируется только при наличии внешнего объективированного субъекта, выступающего в качестве идеального образца, обуславливающего порядок. При отсутствии такого основания, по Гоббсу, начинается «анархия и состояние войны» [4, с. 286].

Гоббс в рамках своей модели говорит о том, чего делать не должно в свете божественной власти и власти монарха. Таким образом, в модели Гоббса вся полнота ответственности возлагается на монарха и Бога, а человек, в свою оче-

редь, несет ответственность только за соблюдение договора с объективированными субъектами. В рамках этой модели отношений и возникает структура иерархии, обусловленная отчуждением права в отношении лица, распоряжающегося отчужденными от людей правами. В результате этого процесса возникает разделение на тех, кто обладает правом людей, и тех, у кого они были отчуждены. Кроме того, возникает разделение на тех, кто несет ответственность в меньшей степени по отношению к монарху и Богу, и тех, кто несет ее в большей степени. Соответственно, монарх и Бог, в свою очередь, несут всю полноту ответственности за сохранение мира и порядка, противодействуя талиону и анархии (войны всех против всех).

Поэтому, когда И. Кант (живший в условиях абсолютной монархии в период правления императрицы Елизаветы Петровны Романовой) заявляет о том, что поступать нужно так, «чтобы максима твоей воли в то же самое время могла иметь силу принципа всеобщего законодательства» [5, с. 23], он рассуждает в условиях, где права людей отчуждены в пользу монарха и Бога. Но здесь возникает ряд противоречий, которые станут заметны немецким философам лишь в начале XIX в.

Фейербах был одним из первых, кто обратил на это внимание, выявив «стремление Канта обособить нравственность от «практической» жизни, от эмпирических мотивов и целей, от непосредственных интересов индивидов» [11, с. 93]. Он также критиковал «кантовское решение приписать добро исключительно долгу» [11, с. 92]. Сам Фейербах отмечает, что добро может идти вместе с долгом, а внешняя превосходящая сила (например, в лице Бога) является ничем иным, как объективацией всего самого лучшего, что есть в самом человеке. Рассуждая в русле гуманизма, который противопоставляется теологизму, Фейербах пишет, что «ты приписываешь Богу любовь, потому что любишь сам, ты находишь Бога мудрым и благим, потому что считаешь доброту и рассудок своими высшими качествами...» [6, с. 38].

Так, наиболее ярким выражением этой позиции у Канта служит письмо императрице, где он использует такие эпитеты, как всесветлейшая, великодержавнейшая, всемилостивейшая, свидетельствующие об объективации статуса императрицы, выступающей в качестве олицетворения всего самого лучшего, что может быть в человеке. Таким образом, тезисы Гоббса направлены на субъектов, у которых права отчуждены, а Кант говорит от лица тех, в ком эти права объективируются. Сам Кант, разумеется, относит себя ко второй категории, так как в своем прошении императрице ходатайствует о своем назначении на пост ординарного профессора логики и метафизики Кенигсбергской академии.

Маркс и Энгельс в этом смысле куда более радикальны, они противопоставляют человеку уже не Бога, а капитал, в результате чего появляются четыре типа отчуждения: «отчуждение рабочего от производимого продукта; отчуждение человека от собственной сущности; отчуждение от родовой сущности и отчуждение человека от человека» [7, с. 63]. Таким образом, мы получаем два противоположных дискурса в вопросе отчуждения. С одной стороны, есть внешние противостоящие субъекты, в пользу которых

отчуждаются права, а с другой — есть люди, которые этих прав лишаются. Здесь должно становиться очевидно наличие двух этик и, соответственно, двух форм ответственности с точки зрения единства и борьбы классов противоположностей.

В контексте трудов М. Вебера два этих дискурса находятся в русле политической этики. Вебер, как сторонник неокантианства, «стилизировал» [8, с. 87] этику Канта в «этику убеждения», цель которой — «спасение души» [8, с. 92] и ненасилие. На ее противоположной стороне находилась «этика ответственности», стремящейся к «спасению тела» [8, с. 92] через насилие. Данные этики не только противопоставляются, но и «взаимопроникают друг в друга» [8, с. 94].

Аналогичную структуру рассуждений демонстрирует Жижек, находя признаки взаимопроникновения учений Канта и де Сада: «вовсе не Кант скрытый садист, а именно Сад — скрытый кантианец» [9, с. 12]. Возникает аналогичный парадокс, в котором Кант, представавший перед нами в лице сторонника «этики убеждений», становится на позицию «этики ответственности». Опять же, здесь мы можем наблюдать наличие двух этик, которые взаимообуславливаются отчуждением у людей и их объективацией по отношению к превосходящему объекту.

Аналогичное взаимопроникновение двух этик наблюдается в библейских сюжетах. Среди них, например, история Иова, которого наказывает Господь за то, чтобы продемонстрировать его праведность перед Сатаной. Иов, находясь в мазохистической позиции, принимает зло от Господа (Иов. 2: 10), оставаясь ему верным, получая в результате награду. Другой такой историей является жертвоприношение Исаака, где Господь остановил Авраама, убедившись в его страхе перед Ним (Быт. 22:11–12), в результате чего он также был вознагражден. С точки зрения Вебера, в данных сюжетах мы можем наблюдать примеры насилия в структуре «этики ответственности», парадокс в данном случае разрешается благодаря тому, что Господь берет на себя всю полноту ответственности за результат, цели и средства, которыми она будет достигнута [8, с. 94]. Так, моралью этих историй является тот факт, что страдания субъекта были вознаграждены.

В этом смысле брать на себя ответственность (т. е. забирать себе право принимать решение и отвечать за содеянное) не является отчуждением от ответственности. Оба субъекта деятельности (и те, кто отчуждает права, и те, кто их объективируют в рамках своих полномочий) несут равнозначную ответственность за свою деятельность. Разница лишь в том, что одна сторона несет ее в рамках этики ответственности (талиона), а другая — в рамках этики убеждений (золотого правила морали). Если этого не происходит, то начинаются беззаконие и война всех против всех. В русском языке эта структура представлена в различении терминов «правда» и «истина». «Правда, первоначально определя-

емая как закон, впоследствии — как нравственный закон, позволяет соотнести власть и человека в поисках их гармоничного единства» [12, с. 36].

Фуко, трактуя труды де Сада, отмечает: «Тело у Сада все еще очень органично, жестко иерархизировано; разница же в том, что высшую ступень в этой иерархии занимает не голова, как это было в старых повествованиях, но половые органы» [13]. Здесь очень важно отметить, что «тело» у Фуко — это психический аппарат. Лакан обозначает максимум Сада следующим образом: «Примем за универсальную максимум нашего поведения право пользоваться другим человеком как инструментом своего удовольствия» [14, с. 105]. Таким образом, «каждый философ вводит свою максимум, считая ее исполнение Законом» [15, с. 11]. В этих условиях и формируются риски возникновения «извращенной позиции принятия положения чистого инструмента Воли большого Другого: это не моя ответственность, вовсе не я это делаю, Я только инструмент более высокой Исторической Необходимости...» [9, с. 24].

Заключение (Conclusion)

Таким образом, то, что описывает Гоббс, Кант и де Сад, с точки зрения психоанализа Фуко, Лакана и Жижека — это дисциплинарная модель, направленная на создание социальной структуры, выстроенной на основе принципа отчуждения собственных прав в пользу внешнего превосходящего объекта, берущего на себя всю полноту ответственности за результат, цели и средства, которыми она будет достигнута.

В этом смысле марксистский дискурс, в рамках которого коммунизм представляется в качестве наивысшего идеала и для приближения которого допустимы любые действия, критикуется Сартром, который отмечает, что «если мы не хотим превращения диалектики в божественный закон, в метафизическую фатальность, то нужно чтобы она происходила от индивидов, а не от каких-то сверхиндивидуальных совокупностей» [16, р. 131] (перевод наш. — О. Д.). Преодоление отчуждения Сартр видит через свободу, которая, однако, гнетет его, вызывает в нем страдания.

Делёз и Гваттари подтверждают эту позицию, отмечая, что «неверно говорить, будто мазохист ищет боли, но также неверно, будто он ищет особым образом приостановленного или окольного удовольствия. Он ищет Т6О» [10, с. 271] (Т6О — тело без органов. — О. Д.).

Таким образом, даже в случае отчуждения собственных прав в пользу превосходящего объекта, с человека в принципе не может сниматься ответственность за убеждения, в отношении которых отчуждается право за результат, цели и средства, которыми они достигаются. Это связано с тем, что в самой постановке проблемы отчуждения заложен призыв к людям вернуть себе то, что они потеряли, т. е. когда мы используем термин «отчуждение», таким образом объективируем то, что человек не обрел в процессе своего индивидуального развития.

1. Измайлова Д. И. Эпидемия отчуждения: влияние пандемии COVID-19 на процессы социального отчуждения // Манускрипт. 2021. Т. 14, № 9. С. 1872–1877. DOI: 10.30853/mns210326

2. Долин А. А. Проблема социального отчуждения в японском обществе XXI века // Японские исследования. 2022. № 1. С. 4–17.

3. Крыштановская О. В., Лавров И. А. Политическая карьера для поколения интернета // Цифровая социология. 2021. Т. 4, № 4. С. 18–27. DOI: 10.26425/2658-347X-2021-4-4-18-27

4. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского / под ред. А. Чекис. М. : Государственное социально-экономическое издательство, 1936. 506 с.
5. Кант И. Критика практического разума / пер. с нем. М. : Эксмо, 2015. 223 с.
6. Фейербах Л. Соч. : в 2 т. / пер. с нем. М. : Наука, 1995. Т. 2. 425 с.
7. Ахметзянова М. П. Анализ феномена отчуждения в творчестве К. Маркса // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2018. № 5 (415). С. 62–65.
8. Давыдов Ю. Н. Этика убеждения и этика ответственности: Макс Вебер и Лев Толстой // Этическая мысль. 2006. № 7. С. 87–94.
9. Жижек С. Кант и Сад: идеальная пара // Трансфер-экспресс. 2000. № 3. С. 12–25.
10. Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / пер. с фр. и послесл. Я. И. Свирского ; науч. ред. В. Ю. Кузнецов. Екатеринбург : У-Фактория ; М. : Астрель, 2010. 895 с.
11. Мееровский Б. В. Фейербах как критик кантовской этики // Кантовский сборник : межвуз. темат. сб. науч. тр. 1988. № 1 (13). С. 88–95.
12. Ефимова С. В. Власть в призме феномена правдоискательства (история и современность) // Власть. 2011. № 2. С. 35–38.
13. Фуко М. Сад, сержант секса // Художественный журнал. 1998. № 19–20. Электрон. версия. URL: <https://moscowartmagazine.com/issue/46/article/908> (дата обращения: 01.01.2025).
14. Лакан Ж. Семинары. Книга 7. Этика психоанализа. М. : Гнозис, 2006. 416 с.
15. Азарова Ю. О. Этика Канта и де Сада в интерпретации Ж. Лакана // Этика в современной философско-культурологической перспективе : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Екатеринбург : Урал. федер. ун-т, 2015. С. 9–14.
16. Sartre J. P. Critique de la raison dialectique. Paris : Gallimard, 1960. 224 p.